

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА КЫРГЫЗСКОГО ОБЩЕСТВА В ФЕОДАЛЬНОМ КОКАНДСКОМ ХАНСТВЕ

А.Т. Акматова

Рассматриваются социальные отношения в кыргызском обществе в феодальном Кокандском ханстве.

Ключевые слова: деспотия; феодализм; патриархальный; социальный.

Кокандское ханство образовалось в результате того, что Чадакские ходжи стремились к самостоятельности от Бухарского эмира. Во главе их движения стоял Шахрухбий, представитель кочевой династии узбеков-мингов. Первоначально Кокандское ханство формируется как самостоятельное владение, впоследствии становится достаточно крупным государством в Ферганской долине. Следовательно, образовалась своеобразная система управления государством и соответствующая социальная структура.

Отметим, что Кокандское ханство – феодальное, деспотическое государство. Как отмечал К. Маркс, “единственный принцип деспотизма – это презрение к человеку, обезчеловеченный человек” [1, с. 254]. Правители Коканда были заинтересованы во введении всевозможных налоговых и податных повинностей, которые давали возможность грабить простой народ. Кыргызы были под тяжестью налогового гнета со стороны кокандских правителей и собственных феодалов. Это в свою очередь наложило отпечаток на становление социальной структуры кыргызского общества в эпоху Кокандского ханства. Следует отметить, что в исторической судьбе кыргызского народа в период Кокандского ханства родоплеменное деление по-прежнему оставалось традиционным явлением. Социальная структура в кыргызском обществе была феодальной, существовала имущественная и социальная дифференциация, которая прикрывалась патриархальной оболочкой. Г.С. Загряжский, хорошо знавший быт кыргызов, подчеркивал, что “разделение же на роды сохраняют манапы и строго их держатся”. Каждый феодал в своем роду,

племени был полновластным хозяином, повелевавшим жизнью своих подданных. Несмотря на власть кокандских ханов, местные феодалы сохранили в своих руках систему управления местным населением. В основе управления лежало феодальное право, но оно было завуалировано народными обычаями, многовековыми традициями. Простые люди не участвовали в управлении, они были отстранены от него.

Социальная структура кыргызского общества в Кокандском ханстве представляла собой достаточно замкнутую систему кочевых и земледельческих общин, объединенных преимущественно по родоплеменному признаку. Академик В.М. Плоских подчеркивает: “Феодальные отношения были опутаны сетью патриархальных и патриархально-родовых связей, которые накладывали отпечаток на систему социальных взаимоотношений, условия господства и подчинения, маскировали эксплуатацию” [3, с. 243].

Известно, что на верхней ступени иерархической социальной структуры Кокандского ханства находились хан и его ближайшее окружение, а в кыргызском обществе основными правителями была знать – бии, беки, саркеры, манапы и др., которые находились в зависимости от вышестоящих чиновников. После завоевания кыргызов Кокандские ханы и другие правители, не имея возможности существенно вмешиваться во внутреннее управление кыргызским обществом, возлагали эту обязанность на высших представителей кыргызского класса феодалов – на юге на беков, саркеров, баев, датки, на севере – на манапов и крупных баев, обладающих авторитетом среди населения.

Основная часть кыргызской феодальной знати нашла общий язык с кокандскими властителями, став их пособниками в политике угнетения местного населения. Представителям феодальной верхушки кыргызов кокандский хан предоставил значительные привилегии, раздавал им различные чины и должности как в гражданском управлении, так и в войсках. Народные массы были бесправны, и вся тяжесть феодально-ханского гнета разорительным бременем ложилась в первую очередь на плечи простых людей.

В ханстве сложилась господствующая группа феодалов, главным образом из представителей военных чинов, духовенства и придворных. Отличительная особенность удаленных от Коканда и непосредственно не исполнявших административные обязанности кыргызских титулованных феодалов заключалась в том, что они не имели постоянного жалования от казны, а удовлетворялись единовременными подарками и определенной долей при сборе налогов. Те же кыргызские феодалы, которые служили непосредственно при дворе, имели единоразовые жалования, либо получали в правление округа, районы, крепости и даже отдельные селения. Именно оттуда они получали свое жалованье, собирая всевозможную дань с населения, управление которым было доверено им.

Кыргызские феодалы ревностно следили за своими подданными – кыргызскими семьями – и не допускали их откочевок к другим феодалам. В этом проявлялось своеобразие социальных отношений в кыргызском обществе. Они покоились на экономической неравноправности, маскировались патриархально-родовыми родственными отношениями. Тем не менее под влиянием феодальных отношений Кокандского ханства углубляются социальные противоречия и в кыргызском обществе. Иллюстративным примером этого может служить факт усиления социальных контрастов в кыргызской земледельческой общине и тенденция выделения из ее состава обогатившихся дехкан, приближающихся к классу феодалов. И хотя хозяйственный процесс в условиях орошаемого земледелия требовал коллективности, чему, казалось бы, соответствовала община, используемая для создания и поддер-

жания ирригационной сети, встречаются факты сознательного обособления отдельных зажиточных и богатых хозяйств в кыргызской общине и документального оформления этого акта.

“Суть его сводятся к тому, что некий Муллабай Ахун Нарботобаев в 1254 (1838) г. из общего владения 45 киргизских хозяйств обособляет свою долю (судя по документу, половину всего участка, принадлежащего 11 общинникам) в местности Мады, близ Оша. Документ скреплен печатями казиев” [4, с. 66].

Данный документ свидетельствует, во-первых, о фактах социального неравенства; во-вторых, об углублении феодализации общества; и, наконец, о кокандском влиянии. Усилению социальной поляризации кыргызского общества способствовало и право отчуждения владений, позволявшее феодалам сосредоточивать в своих руках землю разорившихся дехкан.

Манапы-родоправители, распоряжаясь фактически подданными всего рода или племени, имели в непосредственной зависимости и подчинении сотни хозяйств. В середине XIX в., например, старший манап рода солто Джангарач имел 600 юрт, старший манап сарыбагышей Джантай – 700, старший манап саяков – до 500 юрт. Те хозяйства, число личных подданных которых определялось менее чем в 100 юрт, считались мелкими. К.К. Юдахин приводит следующие категории манапов: 1) *чоё манап* или *ага манап* – старший манап, которому подчинялись более мелкие манапы его рода, племени; 2) *жынжурлуу манап* – наследственный манап; 3) *чала манап* – второстепенный манап, зависимый от старшего манапа; 4) *чолок манап* – самый мелкий манап; из их представителей позже, в царское время, выбирали обычно пятидесятников. Была такая категория, как *букара* манапа – родственники манапа, стоявшие на социальной лестнице выше простолюдинов, хотя были среди них и совершенно разорившиеся [5, с. 515].

Манапство – этот своеобразный социальный институт кыргызских феодалов, окончательно оформившийся и достигший своего апогея в период Кокандского ханства. По мнению Ч.Ч. Валиханова, неограниченная, почти деспотическая власть манапов есть уже последующее введение и в некотором смысле злоупотребление властью

отца семейства, бия, как назывались манапы прежде. “Первые манапы, по объяснению туземцев, сильные, недоступные деспоты явились недавно и то впервые у сарыбагышей. Бий сарыбагышей по имени Манап был первый тиран. Манапство понравилось биям других родов и теперь манап есть нарицательное имя родоначальника каждого поколения орды” [6, с. 333].

Манапы в кыргызском обществе обладали властью и были деспотами по отношению к своему народу – *букара*.

Скотоводы также делились на сословия в зависимости от экономического положения и выполняемых функций в хозяйстве феодала. Основную массу составляли скотоводы, которые самостоятельно вели свое хозяйство, но зависели от феодалов в силу их экономического могущества и обладания политической властью. Они сами ухаживали за своим скотом, сопровождали его по сменным пастбищам, несли в полной мере налоговую и другие феодальные повинности. Бедные, маломощные хозяйства, которые не обеспечивали прожиточный минимум семьи, обращались к родовым богачам и феодалам за помощью и получали на кабальных условиях во временное пользование скот, который возвращали с приплодом (*саан*), нанимались пастухами, слугами, выполняли поденную работу или обрабатывали байские участки, получая за это определенную долю урожая. Зажиточные байские хозяйства перегоняли отары самостоятельно, но, как правило, с нанятым пастухом (иногда под видом члена семьи). Средняцкие хозяйства, напротив, выпасали отары по очереди сами, или сами были пастухами и принимали участие в присмотре за скотом. Бедняки нанимались в пастухи к баям или к середнякам, организовавшимся в группы. Наемный пастух юридически и фактически был в бесправном положении.

Кыргызская лексика имеет довольно богатую терминологию по определению понятий зависимых от выполняющих разную работу крестьян – скотоводов и земледельцев. Так, бедняки *кедеи* и разорвавшиеся крестьяне – *джакыр*. Среди зависимых, но обладающих своим хозяйством бедняков выделялись *конишу* (букв. “сосед”). Они кочевали вместе с феодалом, выполняли свои обязанности в хозяйстве бая и получали от него

за это питание – *саан атмай* и т.д. Коншу большей частью были выходцами из другого рода или бывшими рабами. Наемные работники на подсобных работах назывались *малай-батраки*. Они обрабатывали землю, выполняли подсобную работу, якобы помогая своим феодалам, хотя юридически они также были в бесправном положении.

Крестьяне, перешедшие полностью от скотоводства к земледелию, назывались *джатаками* (жатак – букв. “лежащий”, “оседлый”) и *кошчу* (букв. “пахарь”). Эти термины получили наибольшее распространение в северных областях Кыргызстана, на юге более употребляемым термином был *егинчи*.

Под влиянием Кокандского ханства появляется особая социальная категория самого беднейшего крестьянства – *маадыкер*. Черноработчий, поденщик, выходящий на временные заработки к феодалам, нанимался на сезонную или поденную работу. Во время принудительного строительства каналов местные феодалы использовали труд маадыкеров.

Незначительную прослойку населения составляли представители промысловиков, охотников, ремесленников, а также дружинников, уходивших по найму в армию кокандцев.

Специфика социальной структуры кыргызского общества, поддерживаемая и ханской администрацией, определялась наличием рабства. Существовали категории рабства: наследственное рабство, раб-подарок на байге, раб, который прилагался к калыму – назывался *калынга*, раб-пленник, раб из безродных и купленный раб. Раб-*кул*, которому пожизненно не давалось освобождение, назывался *денекул*. Бедняк, не являющийся родственником феодала, но попавший в полную зависимость от него, приравнивался к рабам и назывался *бакма кул* [7, с. 254].

Кокандское ханство не пыталось пресечь ни междоусобицы, ни феодальные войны кыргызских родов, ни уничтожить рабство, оно использовало и то, и другое в своих интересах, видя в усобицах путь к разобщенности и ослаблению кыргызских племен, а рабов ханы и сами использовали, правда, несколько своеобразно. Оторванные от своего народа, экономически совершенно беспомощные, политически бесправные рабы

при определенных условиях становились хорошими слугами. Ханы назначали бывших рабов налогосборщиками, телохранителями и предводителями воинских отрядов.

В заключение следует отметить, что социальная структура кыргызского общества в целом под влиянием Кокандского ханства не претерпела существенных изменений. Сохранялась экономическая зависимость скотоводов и земледельцев от феодалов. Наибольший отпечаток ханство наложило на кыргызских феодалов, которые заимствовали у кокандцев новые методы управления и угнетения простого населения.

Литература

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. М., 1958. Т. 20.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. М., 1958. Т. 19.
3. *Плоских В.М.* Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе: Кыргызстан, 1977.
4. *Плоских В.М.* Очерки патриархально-феодалных отношений в Южной Киргизии (50–70-е годы XIX в.). Фрунзе: Кыргызстан, 1968.
5. *Юдахин К.К.* Киргизско-русский словарь. М., 1965.
6. *Валиханов Ч.Ч.* Соч. 1961.Т. 1.
7. *Плоских В.М.* Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе: Кыргызстан, 1977.